

ТРЕБУЕТСЯ МУЗЫКАНТ

ГРАД

Пробудился от грохота градин
по железу, по дереву, по
всей земле, заработавшей за день
лишь усталость, да множество ссадин,
да тревогу в пожарном депо.

Возникай, лебединая стая,
из глубин ледяного яйца.
Засты солнце цветущего мая,
дай мне голос, по звездам читая
Валерик и Любовь мертвеца.

В каждой мыши, включая летучих,
в каждой рыбе, сопернице шхун,
в той козе, что на скальные кручи
скачет мимо светящейся тучи,
отозвались кликун и шипун.

Мать Божия, ты ли не рада
на краю ойкумены, вдали
раздарить леденцы звездопада
убежавшим из шумного града?
Глад отшельничества утоли.

О, не надо сиделок и няnek —
верен твой материнский покров,
сладок твой глазированный пряник.
Все не так, но не тонет “Титаник”,
гору льда в небесах расколов.

Обновлюсь ли, как молодец в чане,
или выпаду за волнолом, —
прерывает глухое молчанье
лебедей легендарных ячанье
в замороженном ливне ночном.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

В том городе он требовался вечно,
безостановочно и бесконечно,

всегда, при всех,
не глядя на предвестья роковые
и реки древней крови, каковые
Сукко, Су-Псех.
В том городе, который голяком
шатался день и ночь, кровь с молоком,
сто раз разрушен, столько же основан,
неоднократно переименован,
кликушей Клио к вечности влеком.
Там называли музыку живой
за то, что в забегаловке любой
понтийский грек с собачьей головой
выл на луну и лалял на прибор.
Там обитали древние герои,
но мы отметим беженцев из Трои.
А тот, который требовался там,
отсутствовал,
скитался по другим местам
и что-то там
предчувствовал.
Ударил шквал, каких бывает мало,
и полис пал, закончились пиры,
на этот раз его совсем не стало,
снесло с горы.
Существовали темные века,
которых было девять или десять,
и место стало плоским, как доска,
ни поразбойничать, ни почудесить.
Лишь издали посматривала Троя
на свой переселенческий десант,
лишь объявление с башни долгостроя
гласило: **требуется музыкант.**

АНАПОИТ*

Айя-София, — здесь остановиться
Судил Господь народам и царям!
Мандельштам

На горизонте ни черта, ни каравеллы, ни кита,
ни террориста, ни турецкого паши,
ни водоплавающих птиц, ни VIP-гусей, ни женских лиц,
одушевляющих пространство, — ни души.
Душа не камень, не болид, она поет, она болит,
в ней наблюдается скопление грачей
и горный катится ручей под наблюдением грачей,
а из степей идет касожский суховей.

По делу тысячи грачей пройду сквозь тысячу ночей,
все это дело закрутилось до меня.
Чем занимается ручей? Изготовлением ключей,
они сверкают, ослепительно звеня.
А если выйдешь на базар, гони доллар, хватай товар,
не обсчитает ни Зулейка, ни Армен,

---

* Минерал.

и йодосодержащий фрукт нейтрализует пятый пункт,
свобода выбора даруется взамен.

Разнообразная игра, и многоразова игла
ночной звезды, осиной талии ее,
и упомянутый паша, за соком мака не спеша,
оденет бухту в итальянское белье.
Ночной рыбак идет на лов, Психею ловит птицелов,
закатный шар от пива с раками пунцов.
Ни ворошиловских стрелков, ни шамилевских кавполков,
ни президентского полка, в конце концов.

Казак Безкровный на холме и башня, белая во тьме,
на русских косточках, никто не позабыт,
и пали тысячи армян за Евдокию Шауман,
за черный памятник, за грифельный гранит.
Еще подует свежий бриз, еще падет коринфский фриз,
прольется кровь среди бесчисленных камней —
в руинах города сего страстями буйными его
соединяются андрон и гинекей.

Не трать гиней, гони коней среди бесчисленных камней
по следу молодости. Эта или та,
чертовка смотрит из камней, хотя давным-давно под ней
подведена горизонтальная черта.
На горизонте ни черта. За горизонтом — пустота?
Айя-София пострадала от копыт,
поскольку искони она неосмотрительно стройна.
Она поет, она поит анапоит.

***

Какой-то Константин, какая-то Елена,
визаж лжевизантийской чепухи,
и кварцевый песок, где море по колено
до той поры, пока идут стихи, —
здесь третий глаз дают и делает погоду
прооперированный ветеран труда
Гомер, и богобык курсирует по броду
через пролив — сюда, по воздуху — туда.
Остготская земля, твоя Эвдунсиана,
твердыня из твердынь, Бугур-кале,
стоит на глубине сухого океана
у генуэзской башни на скале.

Где серебром полны кромешные ущелья,
где одичал и высох виноград,
где синдам ниспослал залетный бог веселья
не тот напиток и не тех менад,
где стая воронья кричит не о масонах,
где каждый истукан легко поддат,
где скифы темные безгрудых амазонок
в конечном счете вряд ли победят,

где эллины, забыв успех при Фермодонте,
исчезнут, перебитые бабьем,
когда их корабли сгорят на горизонте
и мы с тобой бурду времен добьем.

***

...а на весах у ней...
Фет

Только под старость мне стали сниться
честолюбивые сны.
В молодости, как вы помните, снится совсем другое.
Знойные женщины больше нужны
где-нибудь в Уренгое.

Теперь я в обществе лучших поэтов препровождаю дни,
ночи то есть. Теперь с приветом ко мне приходят они.
Неистошимые разговоры, солнечные часы
и муза с весами.

Какая муза?

Какие у ней весы?

Что-то, наверное, перепутал Фет, затупив карандаш.
Поэзия ничего не весит, и нет ее в списке продаж,
ни фунта не весит, ни цента не стоит, и каждый мой визави
больше по части обиженной куклы, как ее ни назови.
В наших душах, заметил кто-то, написано все давно.
Кто-то заметил, что в мазанке душно и надо открыть окно.
Кто-то сказал об арбатском джазе, в котором играл на трубе
я, не успевший протрубадурить о времени и о себе.

Однако, пока занимался ветер дублированием душ и кож,
пока человечество блох ловило, а также давило вошь,
я видел ночью сквозь виноградник
семижемчужный ковш.

Я видел небо в друзьях и звездах,
когда покурить вставал,
и в пифосах держит орфический воздух
фанагорийский подвал.

ИМЯ

На своих на двоих — до Большого Утриша.
Это мыс, на котором праматерь Ариша
полоскала белье в словечке Сукко.
Что — Сукко? Можжевело и высоко.
Это я, потому как слегка удэгеец,
пешедралом хожу, забывая словарь,
и когда пролетит на коне адыгеец,
прошепчу не ему: по шпаргалке не шпарь.
И действительно, имя не ходит по шпоре,
а сидит на камнях, остается в камнях,
и шумит в ковыле, и купается в море,

и стоит на скале, и кричит нараспах,
и, забыто собой, затихает в дельфине,
в браконьерские сети попавшем опять,
но его сохранит корнесловие пиний,
продолжая зарытое время копать.
И когда мы вобьем задубевшие пятки
в кусковой известняк, — закрепимся на нем,
даже если мы падаем, как куропатки,
с неприступной стены под прицельным огнем.

ВЕРБЛЮЖОНОК

— За ореховой рощей, греки,
вы не видели амазонок?
— Им достанется на орехи.
Вам останется — верблюжонок.
С головой молодого грифа
из кургана в грязи лимана
вынес он не добычу скифа —
два не очень больших кургана.

— За ореховой рощей, скифы,
вы запомнились верблюжонок?
— Там клюют молодые грифы
одногрудую амазонку.
Все, что было, ему немило,
ибо женщина стран полных
верблюжонок недокормила —
не хватило желез молочных.

За ореховой рощей — белый
парус горечи на приколе.
Хвойных игол сухие стрелы
свищут в горле и в диком поле.
Не равны его птичьей стати
ни гвоздика, ни повилика.
Не нашлось для его печати
халцедона и сердолика.
На рассвете и на закате
смерть рождению равновелика.
Он остался в земной отчизне
без тоски о полных странах —
нас с тобой получил, при жизни
погребенных в его курганах.

КОЖА

Я думал, ты мне дочь, а ты мне внучка,
растут на сердце кольца годовые,
могучая растет на сердце кучка
без музыки — мозоли трудовые.
Доверюсь элегическому слову
над прахом приапических героев,
но лиру поменяю на подкову,
к воротам присобачу, дом построив.

Хожу по свету, замыслы нехилы,
предполагаю вылезти из кожи,
свои же натянуть воловьи жилы
на звонкую дугу — они похожи,
подкова с лирой. Конские копыта
не высекут в песчанике раскопа
ни молнии, ни грома. Жизнь разбита,
но бьет ключом — цитата из потопа.

Там черный сон, которым спят меоты,
в конце тоннеля сменит точку света
на черную дыру, на точку йоты,
на точку пули в черепе поэта.
Однако, возвратясь к своим пенатам,
в аллее Александровского сада
вдруг обнаружу оком виноватым
обломок беломраморного зада.

В Горгиппии, уставясь на живое,
я не заметил этого фрагмента,
но осязал пространство мировое
ступнями — как поверхность постамента.
Взгляни в увеличительные стекла:
я, исстари в чужой могиле лежа,
стал постепенно статуей Неокла.
На что мне человеческая кожа?

ТЮХЕ*

Отец исчез, жена сбежала, друзья пропали и враги.
На территории вокзала поверх единственной ноги
лежит, а все куда-то едет, верней, не едет никуда,
но мировым пространством бредит и перед ним стоит звезда.
В холодном ковыряет ухе и ловит музыку во льду,
где я найду богиню Тюхе, в другую веру перейду:
от всех приветствий и напутствий остался только блеск монет,
в эллинистическом искусстве вопросов нравственности нет,
но тот, кого всю жизнь бросали, родное видит божество,
лежит где надо, на вокзале, там, где и бросили его,
где обрывается Россия над морем черным и глухим, —
над ним поет Айя-София, и наклоняется над ним
друг цезаря, друг римлян, некий Тиберий Юлий Савромат,
который правил в первом веке
и был ни в чем не виноват.

CANZONIERE

Я книгу “Книгой лирики“ назвал
не оттого, что круг названий тесен, —
войдя во тьму времен, как в кинозал,
я видел на экране книгу песен.
С Тверских-Ямских катил девятый вал,
и танки грохотали с красных пресен,

---

* Богиня удачи.

чиновник Лесин нас не издавал,
Стамбул сооружал чиновник Ресин.
Свирепый Эрос, рея над Москвой,
в болван Петра высокий образ твой
всадил, семисотлетняя Лаура,
и, на лету поймав стрелу амура,
позвал Петрарку Гейне молодой
в Москву за песнями, губа не дура.

ЧУЖАЯ СТРОФА

Я в весеннем лесу пил березовый сок,
в калорифере слышал чугунных богов,
чтоб высоко держать вашей жизни цветков, —
о, куда мне бежать от известных шагов?
Успокойтесь, утешьтесь. Летучая бишь
уходя, уходи напоследок споет,
и в соседях играют на флейте, то бишь
осушают по капле ночной небосвод.
Выходи на балкон. Слышишь — гуси летят.
Образумься, опомнись. Была не была,
я под корень спалю Александровский сад,
и не встать под огнем у шестого кола.
С той поры, как случилось мое у меня,
мне плевать, что у ближнего произошло,
что упали копыта слепого коня
на Диану-охотницу из Фонтенбло.

РОМАНС

Культурный центр, грузинский дом, надежд твоих могильник.
Нас не берет на свой бюджет какое-нибудь РАО.
Я у тебя один, Булат, твой верный собутыльник,
в кармане внутреннем моем играет "Lowenbrau".
А ты идешь, как командор, не мраморный однако,
однако худ, однако жив, однако узнаваем,
сквозь коммунальный коридор насыщенного мрака —
уже не вечер, это факт, ужо мы поиграем.
А рядом бронзовый жених, игрок каких немного,
невесту бросит, чтоб сыграть в футбол по-афрорусски,
и начинается от них Смоленская дорога,
где много мокрых глаз течет, отыскивая спуски.
Вольнолюбивый инструмент достался тем и этим.
Километровая струна витринного Арбата.
А ты идешь, как командор, и в доме сорок третьем
о Донне Анне говорят: она не виновата.
Но не удастся мне, Булат, припутать Дон Гуана
к своей вине, к твоим шагам, к виткам земного шара —
все это сон, все это мрак, но, как это ни странно,
гишпанским тоном отдает знакомая гитара.
Летит палома за кормой Харонова парома,
спюю о ней, дам петуха, облитого печалью.
Пасется около тебя священная корова,
торчат рога, торчат соски, и я на ней отчалю.

СТОЯНИЕ ПОД МУЗЫКАЛЬНЫМ КИОСКОМ

Если поднимешь лицо к небесам,
в морду получишь: дождит.
Взгляд, пламенеющий по пустякам,
молнию опередит.
Льется невидимый зрителю пот,
свечки заоблачной воск.
Громом небесным исполнен, поет
мой музыкальный киоск.

Террористический вечер настал,
а не стреляет никто.
Льется доступная водка “Кристалл”,
перед атакой — по сто.
Из дому скрипку выносит пацан,
как на помойку ведро.
Вера Засулич и Фанни Каплан
входят на пару в метро.

Над головой нависает Генштаб,
слезы полковники льют —
черные розы надели хиджаб,
и соловьи не поют.
На музыкальном киоске навес,
а под навесом — герой,
пиво “Эфес” и протечка небес
связаны между собой.

Все перекошено. Правильный мент
ходит прямее штыка.
Нужен мне лишь музыкальный момент,
температура стиха.
Не на что сетовать, или пенять,
или вертеть головой.
Черт его знает, как это понять —
радуга над Москвой.